

16 September 2004. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/1697.pdf>

4. *Barbados v. Trinidad and Tobago* / 27 R.I.A.A. — 11 April 2006.

5. Case concerning Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania vs. Ukraine) / ICJ Judgment — 3 February 2009. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14987.pdf>

6. Case concerning Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania vs. Ukraine) / Memorial of Romania — 15 August 2005. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14697.pdf>

7. Case concerning Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania vs. Ukraine) / Memorial of Ukraine — 19 May 2006. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14699.pdf>

8. Continental Shelf Case (UK/France) / 18 R.I.A.A. — June 30, 1977.

9. *Eritrea v. Yemen*, Second Stage, Maritime Delimitation / Permanent Court of Arbitration — 17 December 1999. — <http://www.pca-cpa.org>

10. *Guyana v. Suriname* / Arbitration Tribunal UN Law of the Sea Annex VII — 17 September 2007. — <http://www.pca-cpa.org/upload/files/Guyana-Suriname%20Award.pdf>

11. Land and Maritime Boundary Between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nig.; Eq. Guinea intervening) / ICJ REP — 10 October 2002. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/94/7453.pdf>

12. *Lathrop C. L.* Maritime delimitation in the black sea (Romania v. Ukraine) / Coalter L. Lathrop, Sovereign Geographic, Inc. — <http://ssrn.com/abstract=1470697>

13. Maritime Delimitation and Territorial Questions Between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahr.) / ICJ REP. 16 March 2001 1999. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/78/6743.pdf>

14. Maritime Delimitation in the Area Between Greenland and Jan Mayen Denmark vs. Norway. / ICJ REP. — 14 June 1993. — <http://www.icj-cij.org/docket/files/78/6743.pdf>

15. *Nova Scotia v. Newfoundland and Labrador*, Second Phase, Maritime Boundary / Court of Arbitration — 17 May 2001. — <http://www.nr.gov.nl.ca/mines%26en/publications/offshore/dispute/phasell.pdf>

16. United Nations Convention on the Law of the Sea / UNCLOS III signed on 10 December 1982. — http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf

Взаимосвязь политического и экономического факторов в урегулировании общественно-политических отношений (на примере арабо-израильского конфликта)

Бишер м а Аларадж, аспирант Межрегиональной академии управления персоналом

В последнее время основные акценты отношений на Ближнем Востоке имеют военно-стратегический и энерго-сырьевой характер. Иными словами, роль экономического и политического факторов не только возросла, но и определяет наличие противоречий в вопросе урегулирования арабо-израильских отношений. Основные процессы их нормализации и стабилизации на этой почве носят декларативный характер, что в свою очередь подтверждает мнение международных экспертов относительно их нормализации: сложившаяся конфронтация арабов и евреев давно вышла за региональные рамки и вовлекает международное содружество во всемирное противостояние. В последние годы региональные конфликты вспыхивают все чаще и острота их постоянно растет. Это не может не вызывать беспокойства у международных организаций. Последние непосредственно либо косвенно вмешиваются именно в те конфликты (стремясь их урегулировать), которые прямо влияют на систему саморазвития интернациональных структур.

В обстановке прекращения идеологического противостояния двух систем вопрос о дипломатическом поощрении поисков мира обретает все более явные черты сотрудничества. Возрастает практическая миротворческая роль Организации Объединенных Наций, в рамках которой великие державы демонстрируют готовность к поискам компромиссов.

Несмотря на существенные различия в методологии и декларативных принципах урегулирования разных видов конфликтов, роль международных организаций в этом процессе определяются их практической апробацией. Предлагаемые организациями рецепты разрешения проблем далеко не всегда противоречат друг другу. Но любой конфликт, особенно затянувшийся, приводит к ка-

тастрофическим последствиям: ситуация часто выходит из-под контроля международных организаций, которые не только несут ответственность за процесс урегулирования конфликтных отношений, но и поневоле оказываются втянутыми в конфликтные действия; роль социально-политических факторов во время развития конфликтной ситуации стирается, вернее, искажается под воздействием прямой недооценки их конфликтующими сторонами. Зона конфликтных действий становится своего рода лабораторией для усиления могущества и установления гегемонии международных организаций во всем мировом содружестве, а конфликтующим сторонам уже трудно определить, какой из социально-политических факторов (геополитический, социально-экономический, религиозный, культурный, национальный, идеологический и др.) приводит к потере их прогрессирующих отношений в историческом пространстве. Основой такого развития событий, принимающих глобальный окрас, является именно политический фактор. Если сравнить его с экономическим, то можно сказать, что сфера экономических конфликтов всегда характеризовалась своей недолгосрочностью, так как носит сложный, но все же прогнозируемый характер (например, блокада торговых путей сбита или даже ограниченность ресурсной базы всегда приводят к альтернативности действий). В политике же даже смена политических режимов или политических лидеров не может привести к выработке компромиссной «формулы» разрешения конфликта. И потому не исключается, что сегодняшние политические конфликты под воздействием «принципа маятника» приобретают, скорее всего, глобальный характер, протекая на региональном уровне. В основе диалектики экономического и политического лежит механизм взаимодействия объективного и субъективного в жизни общества. Несоответствие принимаемых политических решений сущности монетарных процессов вытекает как раз из несогласованности политических и экономических факторов, что нередко ведет к определенной социальной напряженности в обществе.

Сравнительная роль политического и экономического факторов в урегулировании конфликтных отношений не находила иной интерпретации, кроме концентрировавшейся вокруг формулы «политика не может быть первичной по отношению к экономике». Но на сегодняшний день фрагментарное рассмотрение вопроса классическими школами должно быть дополнено концептуальными и программными положениями социал-демократической и либерально-консервативной направленности. Эти направления дают ответ на глубинный вопрос: «Возможен ли «социальный порядок»?» – и предлагают иное видение современного общества. Тем самым актуализируется поиск новой исследовательской парадигмы, отвечающей задаче внутренней взаимосвязи экономической и политической систем, подчиненных конфликтным отношениям, как на региональном, так и на мировом уровне.

Сказанное придает значимости и самой задаче теоретического анализа взаимосвязи экономики и политики, и потребности осмысления новых явлений в этих сферах в условиях радикальной смены общественного строя.

Поиск новых методологических основ общественно-политических отношений на различных этапах развития общества обозначен в работах Л. Васильева, Ю. Осипова, В. Радаева, О. Шкаратана и др. К такому можно отнести: понимание феномена «урегулирование конфликта» через единство культурно-религиозного комплекса, воспроизведенного в типологическом русле «государство – нация – идеология» (М. Чешков); определение основного экономического закона этакратии (В. Радаев, О. Шкаратан) и т. д. Значительный интерес вызывают теоретические труды западных экономистов, политологов, философов, раскрывающих формы взаимодействия экономических и политических механизмов урегулирования

конфликтов (Д. Бьюкенен, М. Восленский, Я. Корнаи, Э. Мелцер, Р. Пайпс, К. Поппер, Ф. Фукуяма, Ф. Хайек, И. Шапиро, А. Янов и др.). Некоторые из них работают в русле распространенной на Западе теории общественного выбора.

Но панорама социально-политической мысли в рассматриваемом ракурсе была бы представлена неполно без имени Джозефа Пристли (1733–1804 гг.), которого традиционно относят к представителям английского материализма. В работе «Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы» (1768 г.) он поднимает вопросы новаторского плана, не устаревшие до сих пор. Дж. Пристли, как и другим социальным теоретикам Нового времени, удалось раздвинуть границы познания общества, углубить анализ общественных явлений и процессов. Отталкиваясь от методологии конфликтов, он описывает свободу, находящуюся под влиянием множества факторов.

Ученый выводит два вида свободы, которые имеют свои истоки в различных сферах общественной жизни. Политическая свобода позволяет гражданам принимать участие в жизни государства. Экономическая свобода не выходит за пределы «собственного поведения человека» и не подлежит контролю государства, предполагая, что человек должен «сам заботиться о собственных выгодах и счастье». В этой взаимосвязи первую скрипку играет политическая свобода, она является главным стержнем, охранителем свободы экономической. «Чем большей политической свободой обладает народ, тем прочнее его гражданская свобода», то есть экономическая свобода является необходимым средством достижения свободы политической. Доводы Дж. Пристли в отношении взаимосвязи общественно-политических факторов в области урегулирования конфликтных отношений и сегодня не утратили своей рациональности.

Рассматривая роль общественно-политических факторов, можно говорить о скрытой форме угрозы безопасности: с одной стороны – «имманентно замкнутая система экономики», что проявляется как социально-содержательная форма «подземного»; с другой – Бог-светоносец в лице государства, цивилизации, который должен вести непрерывную борьбу с «подземной» силой, чтобы предотвратить опасность утраты единства общества. Такая опасность существует благодаря наличию определенных противоположных тенденций в экономике. Хотя Гегель питает иллюзии относительно того, что деятельность государства может смягчить и урегулировать социальные противоречия, возникающие из экономики, он, все же, никогда не представляет этой функции государства в виде абстрактного регламентирования, насильственного вмешательства в экономическую жизнь, снятия экономических законов с помощью декретирования, как это весьма рельефно проступает в утопических требованиях Фихте. Именно потому здесь и возникает социальная база «трагедии нравственности».

Хотелось бы отметить, что процессы экономической модернизации и политических изменений во всем мире размывают традиционное ассоциирование людей с местом жительства. Одновременно ослабевает и роль государства-нации как источника их идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживает образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты, представители среднего класса, бизнесмены. Как заметил Г. Вайгель, «десекуляризация мира – одно из доминирующих социальных явлений конца XX века». Воз-

рождение религии или, по словам Ж. Кепеля, «реванш Бога» создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ для объединения цивилизаций.

Не менее важную роль в прямопропорциональной зависимости экономического и политического факторов занимает культурно-религиозный аспект, определяющий основу экономического сотрудничества, объединяющую мусульманские страны Ближнего Востока.

Современная характеристика взаимосвязи экономического и культурно-религиозного факторов комментируется через отделение государства от церкви, а затем – и от экономического (гражданского) общества. Общество теряет свое единство и целостность, дробится на отдельные элементы, атомы. «Отдельный эгоистический интерес, случайный факт, мелкая подробность – атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве – вот последнее слово западной цивилизации», – писал В. Соловьев, русский философ, давший богатую пищу для размышлений своим духовным продолжателям С. Булгакову, Н. Бердяеву и др. В. Соловьев выстраивает исторический ряд, последовательно отображающий три основные формы общественного союза: первичная форма общества – экономическое общество, где обеспечиваются необходимые средства к существованию; вторая основная форма общества – общество политическое или государство; третья – духовное или священное общество.

Неурегулированность арабо-израильского конфликта самым отрицательным образом влияет на динамику общественно-политических отношений, в результате чего существенно понижается уровень безопасности народов и государств этого региона, а также отсутствует возможность всеобъемлющего урегулирования ближневосточного кризиса на справедливой и реалистической основе.

Литература

1. Английские материалисты XVIII в. Собр. произв. в 3-х т. – М., 1968. – Т. 3. – С. 37.
2. *Добаев И. П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. / Отв. редактор Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2001. – 80 с.
3. Компоненты арабо-израильского мира в 1990-е годы: Итоговый документ научной конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 1990. – С. 32.
4. *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М., 1987.
5. Политология: хрестоматия. / Сост. проф. М. А. Василлик, доц. П50 М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 843 с.
6. *Соловьев В. С.* Сочинения. В 2-х т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 171.

23

Єлизавета ЄВГРАФОВА,
кандидат юридичних наук,
суддя Київського апеляційного
господарського суду

Право, яке належить виключно народові

Після прийняття 28 червня 1996 року Конституції досі незмінними залишились її розділи I «Загальні засади», III «Вибори. Референдум» і XIII «Внесення змін до Конституції України», які за рішенням Конституційного Суду України (далі – Суд) від 11 липня 1997 року № 3-рп/97 (справа про конституційність тлумачення Верховною Радою України статті 98 Конституції України) визначені засадами конституційного ладу (абзац 1 п. 4 мотивувальної частини) [1, с. 32]. Про значення інших розділів Основного Закону в рішенні нічого не сказано. Головним у цьому аспекті є розуміння категорії «конституційний лад в Україні», розкриття змісту якої гостро постало перед учасниками політико-правового процесу. Актуалізація цієї проблеми зумовлена застосуванням конституційно-правового механізму здійснення належного виключно народів права визначати і змінювати конституційний лад в Україні (далі – права народу).

Унікаючи обмеження у визначенні конституційного ладу лише I, III і XIII розділами Основного Закону, в рішенні Суду від 5 жовтня 2005 року № 6-рп/2005 (справа про здійснення влади народом) висловлено думку, згідно з якою конституційний лад – це те, що «закріплюється Конституцією України» (абзац 1 п. 2 резолютивної частини) [4, с. 151]. Якщо з наукової точки зору те чи інше поняття та сприйняття конституційного ладу є предметом пошуку і обговорення, подальшого вивчення його сутності, структури, динаміки тощо [6, с. 152–156], то в практичній площині цілком задовольняє розуміння його як

певної системи державного, політичного, суспільного устрою, відображеної та закріпленої в Основному Законі. Тобто всі інші положення його розділів також належать до тих елементів системи, по суті з яких і складається конституційний лад в Україні [8, с. 91]. У даному контексті це означає повний збіг такого його розуміння з правом народу визначати і змінювати цей лад. Отже, внесені парламентом України 8 грудня 2004 року зміни до Конституції України мали наслідком зміни в конституційному ладі: перехід від президентсько-парламентської форми правління в державі до парламентсько-пре-